

Раздел 1. Проблематика и поэтика мировой литературы

УДК 821 (436):176.8

doi 10.17072/2304-909X-2021-12-5-11

ОСМЫСЛЕНИЕ КРИЗИСА ЕВРОПЕЙСКОЙ МОРАЛИ И ИДЕОЛОГИИ В ЭССЕИСТИКЕ РОБЕРТА МУЗИЛЯ 1920-х ГОДОВ

Сергей Витальевич Баландин

магистр философии (выпускник)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4.

sergejbalandin@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 24.05.2021

В статье представлено осмысление кризиса европейской морали и идеологии в эссеистике Роберта Музиля 1920-х годов. Отдельное внимание уделено идеологемам нации, расы, государства. Проанализированы понятия идеологии и морали. Представлена антропологическая «теорема человеческой бесформенности» – центральный теоретический постулат в анализе писателем культуры.

Ключевые слова: идеология, кризис культуры, мораль, Музиль, национализм, этика.

Австрийский писатель Роберт Музиль (1880–1942) известен прежде всего романом «Человек без свойств», ставшим общепризнанной классикой литературы модернизма. Так, в 1999 году комиссия из 99 немецких учёных и писателей присудила этому роману звание самого значительного немецкоязычного романа XX века [Cauwer 2014: 15]. Роман завоевал такое признание даже несмотря на то, что не был закончен – по причине смерти автора в 1942 году в изгнании в Швейцарии. Как и многие писатели-модернисты, Музиль – автор очень философски искушённый. Его собственные идеи, высказанные относительно этики, антропологии, культуры, дают основания считать его равно и философом [Bouveresse 2001]. Многие из этих идей высказаны в романе [ЧБС I-II], [МоЕ], но до этого были сформулированы в более отчетливой форме в эссеистике Музиля. Кроме того, многие формулировки можно найти в дневниках писателя, которые велись им большую часть жизни [Ть I-II].

В нашем случае речь пойдёт о трёх эссе, где Музиль осмысляет кризис европейской морали и идеологии: «Нация как идеал и как реальность» (1921), «Беспомощная Европа» (1922) и – самое важное – неопубликованное эссе «Немецкий человек как симптом» (1923) (см. работы о критическом анализе писателем современной культуры в целом [Reinhardt 1968], [Aler 1976], [Neumeug 2009], [Cauwer 2014]). Исходный пункт рассуждений писателя во всех этих эссе – это политика. Музиль пытается установить причины Мировой войны, беспрецедентной по масштабам и потерям и бесчеловечной по методам её ведения, а также политического кризиса, развернувшегося в послевоенной Германии, во время которого всё отчётливее стали раздаваться голоса реакционных сил. Явления эти, по мнению писателя, имеют под собой культурную основу, а именно неспособность Европы прийти в соответствие с условиями жизни современной цивилизации. Предвоенная Европа с надеждой смотрела в будущее и была по своему духу интернациональна, но после войны картина изменилась: возобладали национализм, изоляционизм и оборонительная позиция по отношению к будущему. В это время – время общего уныния и опустошения – немецкий бюргер, чтобы заполнить духовный вакуум, вновь обращается к идее нации.

В эссе «Нация как идеал и как реальность» Музиль рассмотрел немецкий национализм как наглядный пример несоответствия старых идеологем условиям современной жизни (см. анализ этого эссе в работах [Luft 1980: 142–145], [Hunt 159–176] и [Wolf 2011]). Нацию, отмечает писатель, как ни странно, постоянно беззастенчиво заменяют понятием расы. Несмотря на то, что нации и расы так или иначе существуют, в идеологическом смысле им приписывают безусловную общность (чаще всего понимаемую как единство духа). В действительности же нации и расы, отмечает Музиль, являются сложными смесями, которые составляют индивидуумы, несопоставимые, например, с однотипными вещами. Описанное обобщение людей в рамках рас и наций Музиль называет также «ложным “мы”» [GW II: 1070], которому в реальности ничего не соответствует (профессиональная или классовая солидарность имеет в действительности под собой более весомые основания).

Нация, так же как и раса, отмечает писатель, ошибочно понимается не прогрессивно – как то, к чему можно стремиться и чему только предстоит быть сформированным, а регрессивно – как уже существующий идеал, уходящий корнями в прошлое и не нуждающийся в

обновлении [GW II: 1071]. Эта иллюзия ведёт к моральной деградации: индивидуумы, приписывая себе общепринятые добродетели той или иной нации или расы, начинают льстить самим себе. Речь идёт о наиболее примитивных (архаичных) добродетелях, поскольку только примитивное можно распространить на всю расу [GW II: 1065], что влечёт за собой обесценивание интеллекта. Достижения оцениваются не по их существу, а по происхождению, исходя не из реальности, а из сомнительной гипотезы. В основе всех этих феноменов, по словам писателя, лежит идеализм. Музиль пишет: «Мы стабилизируем наши идеалы как платонически-пифагорейские идеи, неподвижные и неизменные, а когда реальность не соответствует им, мы рассматриваем сам факт их “нечистой” реализации в реальности как подтверждение их идеальности» [GW II: 1072].

Помимо расы, нацию отождествляют с государством. Государство в лексиконе Музиля – не только исполнительная власть, но совокупность общественных институтов в принципе. Естественное отношение индивидуума к социальной структуре, к началу XX века ставшей очень сложной и плотной, – это равнодушие и попустительство (в философии это обычно называют отчуждением). Социум конституирует человеческое поведение, обучает человека выполнять функции. Чисто функциональное и отчуждённое поведение – это «и газовые атаки, и чистая совесть наших мучителей». Но обратная сторона такого социального поведения – это человек частный (Privatperson), который, по видимому, связывается Музилем с эмоциональной стороной жизни. По отношению к социуму индивидуум, в сущности, разрывается между любовью и ненавистью, однако это проявляется в исключительных случаях. К провалившимся способам эмоциональной реализации индивидуума в отношении социума принадлежат общность духа, которой мы коснулись выше (с ней Музиль отождествляет «град Божий» св. Августина), и фетишизация государства в качестве источника нравственного совершенствования. Идеализм проецирует чувство достоинства, которое индивидуум не способен достичь в личной жизни, на государство и прочие идеологемы (раса, император, социальная общность, моральный закон и проч.) [GW II: 1067–68].

В «Беспомощной Европе» Музиль раскрывает причины идеологического кризиса, поразившего послевоенную Европу (см. анализ этого эссе в работах [Roth 1994], [Bouveresse 2001]). В неопубликованном эссе «Немецкий человек как симптом» Музиль также уделяет большое внимание теме идеологии – уже в развёрнутом виде. (см. анализ обоих эссе у [Luft 1980: 145–157], [Hunt 1993: 145–159], [McBride 2005], вместе с обращением к дневникам – у [Cauwer 2014: 41–110]. Мораль и

идеология в словаре Музиля – понятия практически синонимичные. Их трудно развести, они разбросаны в разрозненных фрагментах его текстов. Тем не менее некоторые различия выделить можно. Мораль – это принятые людьми образцы поведения (из соображений удобства или из страха неопределённости), которые ограничивают его вариативность. Однако человек не в состоянии принять эти образцы волевым актом. Облегчить принятие этих образцов – это задача идеологии. Музиль формулирует определение идеологии так: «Интеллектуальное упорядочивание чувств, объективная связь, которая делает субъективную связь легче» [GW II: 1379]. Люди так или иначе вступают в связь с фактами человеческого поведения, эти факты имеют на них влияние, становясь ориентирами. Люди могут быть их свидетелями, либо они оказывают на людей влияние как уже сложившаяся социальная система. Совокупность этих фактов Музиль называет аппаратом. Когда же часть таких фактов оказывается так или иначе организована, она может быть использована как идеология. Среди примеров идеологии Музиль называет традиции, обычаи, моральные системы (то есть их сложившееся устройство). Идеологии складываются исторически и существуют объективно. Идеология – это разновидность связи, которая соединяет человека с моральным порядком.

Диктат морали, таким образом, начинается уже на этапе нашего мышления. Мораль, как правило, не гибка и служит поддержанию некоторого общественного порядка. Таким образом, согласно Музилю, она низводится до слепого следования принятым правилам. В сущности, она является актом насилия. Однако этим мораль, по Музилю, не должна исчерпываться. Более гибкую, поддающуюся изменению мораль Музиль порой называет этикой. Существующая мораль, утверждает он, лишь адаптировала наши чувства к существующим моральным системам, но сами эти чувства не развивала. По мнению писателя, именно эмоциональная и творческая сторона морали нуждается в развитии. Когда моральная система слишком статична, она ведёт людей к отчуждению, к эскапизму и не позволяет развивать более адекватные образцы поведения. В этом писатель видит корни кризиса, поразившего Европу в первой половине XX века.

Катализировало этот кризис, по словам писателя, бурное развитие материальной и духовной культуры в конце XIX – начале XX века. Старые связи ослабели. В сущности, основной связью стала профессия. Резко возросла фрагментация жизни. Человек свёлся к функции либо – что стало следствием экспансии науки – к своему мышлению, из которых исключено человеческое эго [GW II: 1092]. Это время характеризуется, помимо новых специальностей, появлением новых идей

вообще, творческой активности людей. Музиль отмечает, что в предвоенное время не было того духовного упадка, который этому времени обычно приписывают. Декадентская субкультура была лишь симптомом незрелости, несоответствия общественного устройства творческим силам людей. На самом деле, в отличие от состояния послевоенной депрессии, люди верили в будущее и хотели, чтобы оно наступило. Но и до, и – особенно – после войны имели место и интеллектуальные тенденции бегства от неопределённости настоящей ситуации в прошлое. Музиль эту тенденцию критикует и дистанцируется от движения, которое называет неоромантизмом. Это огромное количество литературы, по словам Музиля, состоит из моря жалоб на бездушность, механизацию, расчетливость, недостаток религиозности и т.д. Но ему едва ли попадалась хоть одна книга, которая предлагала бы рассмотреть проблему как новую и не предлагала бы старое, уже провалившееся решение. Исцеление ищут в прошлом (нация, добродетель, религия, антагонизм по отношению к науке). Лишь изредка проговаривается мысль, что решение проблемы ещё не найдено.

Любая моральная система – это временное явление, по-настоящему же вневременным является моральное чувство (в других эссе Музиль именуется его «иным состоянием»), оно и нуждается в анализе. Никакой моральный порядок не встроено в человека раз и навсегда. Это следует из антропологического постулата Музиля, который он называет «теоремой человеческой бесформенности» [см. развёрнутый анализ у [Neumeug 2009]]. В общих чертах писатель выразил эту концепцию в эссе «Немецкий человек как симптом», хотя он касается её и в других эссе и особенно активно развивает её в самом романе. В данном эссе он полемизирует с расхожим взглядом на человеческую природу, ярким носителем которого был его современник Освальд Шпенглер, автор недавно появившегося тогда труда «Закат Европы» (1918). Оспариваемая Музилом точка зрения приписывает тем или иным отрезкам истории и сегментам человеческой культуры роль простейших причин, которые характеризуют разные субстраты. Это позволяет говорить о древнеегипетской или эллинистической культуре, о разных нациях и расах, о разных культурах. Такой ход рассуждений, по словам Музиля, является исторической френологией, отыскивающей у вора орган вороватости, а у честного человека – орган честности; к подобного рода рассуждениям относится и мнение о возникновении каждые пять лет нового поколения. Подобным взглядам Музиль противопоставляет свою концепцию, которая заключается в том, что «субстрат, человеческое существо, в действительности остаётся одним и тем же во всех культурах и исторических формах; то, в чём они различаются, прихо-

дит извне, а не изнутри» [GW II: 1368]. Согласно Музилю, человеческая деятельность полностью детерминирована актуальными историческими условиями, которые накладывают на человека свой отпечаток, создают язык для самовыражения, а через самовыражение происходит формирование человека. Поэтому если мысленно попробовать убрать эти условия, от человека останется нечто совершенно бесформенное. Антиэссенциалистский взгляд Музиля на человека выражается и в отрицании докультурных различий между разными типами людей, которые декларируются, например, расовыми теориями.

Список литературы

Musil P. Человек без свойств: В 2 кн. / пер. с нем. С. Апта. М.: Иностранная литература, 1984. [Ч6С I-II]. 750 с.; 501 с.

Aler J. Robert Musil. Ein Kulturkritiker // Duitse Kroniek. 1976. Jg. 28. № 1/2. S. 32–60.

Bouveresse J. La voix de l'âme et les chemins de l'esprit. Dix études sur Robert Musil. Paris: Le Seuil, 2001. P. 227–257.

Cauwer Stijn de. A Diagnosis of Modern Life. Robert Musil's «Der Mann ohne Eigenschaften» as a Critical-Utopian Project. Brüssels: Lang, 2014. 271 p.

Hunt A. C. Musil's Utopian Essayism. The Quest for an «Anti-Ideological» Ethics. Ph.D. diss. New York, 1993. P. 145–189.

Luft D. S. Robert Musil and the Crisis of European Culture. 1880–1942. Berkeley et al.: Univ. of California Press, 1980. P. 138–157.

McBride P. C. The Void of Ethics. Robert Musil and the Experience of Modernity. Evanston: Northwestern Univ. Press, 2006. P. 75–96.

Musil R. Gesammelte Werke: In 2 Bdn. Bd. 1: Der Mann ohne Eigenschaften. Roman / Hrsg. von Adolf Frisé. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1978. [MoE]. 2072 S.

Musil R. Gesammelte Werke: In 2 Bdn. Bd. 2: Prosa und Stücke. Kleine Prosa, Aphorismen. Autobiographisches. Essays und Reden. Kritik / Hrsg. von Adolf Frisé. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1978. [GW II]. 1968 S.

Musil R. Tagebücher: In 2 Bdn. / Hrsg. von Adolf Frisé. Neu durchgesehene und ergänzte Aufl. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1983. [Tb I-II]. 1436 S.

Neymeyr B. Utopie und Experiment. Zur Literaturtheorie, Anthropologie und Kulturkritik in Musils Essays. Heidelberg: Winter, 2009. S. 95–127.

Reinhardt, Stephan. Jahre ohne Synthese. Anmerkungen zu den Essays Robert Musils // Text + Kritik. 1968. H. 21/22: Robert Musil. S. 34–39.

Roth Marie-Louise. «Das hilflose Europa oder Reise vom Hundertsten ins Tausendste». Versuch einer Interpretation // Robert Musil, ein Mitteleuropäer / Hrsg. von Jiří Munzar. Brunn: Institut für Germanistik und Nordistik, 1994. S. 11–25.

Wolf N. C. Gegen den literarischen Nationalismus. Musils Essay «Die Nation als Ideal und als Wirklichkeit» (1921) im zeitgenössischen Kontext // Robert Musil und einiges mehr / Hrsg. von Alexander W. Belobratow. St. Petersburg: Peterburg XXI Vek, 2011. S. 25–44.

THE CRISIS OF EUROPEAN MORALS AND IDEOLOGY BY ROBERT MUSIL IN HIS ESSAYS IN 1920S

Sergey V. Balandin

Master of Philosophy (graduate)

National Research University Higher School of Economics

105066, Russia, Moscow, Staraya Basmannaya st., 21/4.

sergejbalandin@yandex.ru

Submitted 24.05.2021

The article represents the analysis of the crisis of European morals and ideology by Robert Musil in his essays in 1920s. Special attention is given to the ideologemes of nation, race and state. The article analyses the notions of morals and ideology. It represents «the theorem of human shapelessness», which is the main theoretical premise of Musil's analysis of culture.

Key words: cultural crisis, ideology, morals, Musil, nationalism, ethics.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Баландин С.В. Осмысление кризиса европейской морали и идеологии в эссеистике Роберта Музиля 1920-х гг. // *Мировая литература в контексте культуры*. 2021. № 12 (18). С. 5–11. doi 10.17072/2304-909X-2021-12-5-11

Please cite this article in English as:

Balandin C.V. Osmysleniye krizisa evropeyskoy morali i ideologii v esseistike Roberta Muzilya 1920-kh gg. [The Crisis of European Morals and Ideology by Robert Musil in his essays in 1920s]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2021, issue 12 (18), pp. 5–11. doi 10.17072/2304-909X-2021-12-5-11